

Глава 17

Линь Чэньюй действительно не мог опровергнуть слова Цзян Сяо. Если хорошенько подумать об этом, то можно понять, что он действительно этого хотел.

Цзян Сяо отвергал всё, что он пытался сказать. Линь Чэньюй и не знал, что Цзян Сяо был таким упрямым, острым на язык человеком.

Что ещё более важно, Цзян Сяо стоял рядом с ним. Он внезапно резко вдохнул, его мозг отключился. Он открыл рот, застыл на месте и не мог ничего сказать.

У него немного заболела голова.

Цзян Сяо, детка, я не знаю, что с тобой делать....

Цзян Сяо никогда бы так не поступил с ним в его прошлой жизни. Действительно ли это был просто вопрос юношеского бунта?

Как раз в этот момент прозвенел звонок в класс, возвещая об окончании утренней самостоятельной работы. Ученики потоком хлынули в коридор. Цзян Сяо не хотел быть окружённым людьми и не хотел разговаривать здесь с Линь Чэньюем. Он ясно выразился. Он махнул рукой другому человеку и вошёл в класс один.

Цзян Сяо знал, что Линь Чэньюй всегда был высокомерным, мало терпеливым по отношению к другим или к себе. Пришло время ему сдаться.

Линь Чэньюй протянул руку, чтобы остановить его, но Цзян Сяо отреагировал мгновенно, увернувшись.

«Не трогай меня». Цзян Сяо не остановился, а продолжил идти. «У меня действительно не очень хороший характер».

Выражение его лица опустилось, когда он заговорил, что удивило Линь Чэньюя.

«Цзян Сяо» с трудом произнёс он, как будто ему вдруг что-то пришло в голову. У него перехватило горло. «Мне очень жаль, то есть, ты... ты помнишь, что случилось раньше? Так вот почему ты так сильно меня ненавидишь? Тогда ... тогда я действительно не хотел этого. Если бы я знал...если бы я знал, что ты болен, я бы не...»

Он запнулся на своих словах, но Цзян Сяо просто странно посмотрел на него.

«О чём ты говоришь? Что случилось раньше?» спросил он. Его глаза были полны сомнений, без

следа гнева. «Ты хочешь сказать, что знал меня, когда я был ребёнком?»

Линь Чэньюй: «...»

Он пристально посмотрел на Цзян Сяо. Выражение лица другого человека не выглядело фальшивым. Его глаза были ясными, как у подростка, как будто можно было видеть прямо сквозь них.

Был ли Цзян Сяо хорош в актёрской игре? Раньше он таким не был, верно?

«Не бери в голову». Он заставил себя улыбнуться. «Прости, я слишком много думал об этом. Я не должен был говорить тебе этого.... Ты можешь идти на занятия».

Этого не могло быть. Такого совпадения быть не могло.

Кроме того, если Цзян Сяо действительно переродился, то должен ненавидеть его до глубины души. Он никогда не был бы таким спокойным.

Линь Чэньюй наблюдал, как Цзян Сяо исчез за углом. После занятий прозвенел звонок, в коридоре стало много учеников. Многие из них уставились на него. Линь Чэньюй было всё равно. Он стоял там в некотором оцепенении, и, в конце концов, спустя долгое время, ушёл.

Семья Линь припарковала свою машину недалеко внизу, чтобы подождать его.

Внутри машины сидел помощник. Он был на переднем плане, работая с семьёй Линь в течение многих лет. Его звали Юэ Чэн. Линь Чэньюй называл его дядей Юэ. Этот так называемый благотворительный проект на самом деле было довольно хлопотно организовать, но дядя Юэ уладил множество деталей. Он последовал за Линь Чэньюем в Хоулинь по просьбе старика. В конце концов, Линь Чэньюй всё ещё был несовершеннолетним. Несмотря на то, что он уже давно добросовестно работал, теперь, когда дело дошло до этого, у старика, естественно, было своё мнение.

«Независимо от результата, ты достаточно повозился за столько дней». Дядя Юэ заметил рассеянное выражение лица молодого человека. Его тон был вежливым, а слова убеждения могли показаться мягкими, но на самом деле он был немного непреклонен. «Мне только что позвонил старик. Общий смысл президента Линя в том, что ты не должен быть слишком своевольным. Дома много чего происходит. Тебе нужно ходить в школу».

Линь Чэньюй не кивнул. Он закрыл глаза и сказал: «Дядя Юэ, дедушка обещал, что я смогу забрать его обратно».

«Этот ребёнок не хочет идти. Зачем заставлять его?» Деньги, потраченные на Цзян Сяо, ничего не значили для семьи Линь. Об этом не стоило и упоминать. Но Линь Чэньюй уделил

слишком много внимания этому вопросу, потратил на него слишком много времени. Это становилось для него проблемой.

«Со многими вещами нехорошо торопиться. Если ты будешь давить слишком сильно, слишком быстро, то только вызовешь у человека настороженность и обиду». Он посмотрел на Линь Чэньюя. «Ты всё ещё молод. В будущем будет много возможностей вернуть его обратно».

Это была чистая правда. Линь Чэньюй очень хорошо знал, что не может есть горячий тофу в спешке, но он также не мог заставить себя забыть Цзян Сяо прямо сейчас.

«Скажи дедушке, что я пока не могу вернуться». Линь Чэньюй стиснул зубы. «Я действительно не могу вернуться».

Даже после того, как ему столько раз отказывали, он просто не был способен оставить Цзян Сяо.

Когда Цзян Сяо вернулся в класс, утреннее занятие по самообучению было закончено. Хотя некоторые ученики в классе немного побаивались его, других переполняло любопытство. Они посмотрели на него и опустили головы, как будто были в растерянности. Цзян Сяо был слишком ленив, чтобы снова наброситься на них.

Е Иньин всё ещё приходил на занятия большую часть времени. Несмотря на то, что он выбрал специальный студенческий маршрут, ему предстояло сдавать экзамены по культуре. Он был более серьёзным в классе. Как только он вошёл в класс, маленький принц сплетен услышал о том, что произошло во время утренней самостоятельной работы.

«Кто это был?» украдкой спросил он Цзян Сяо. «Кто был этот маленький чужеземец? Чего он хотел?»

На мгновение Цзян Сяо растерялся. Затем он понял, кого имел в виду Е Иньин.

Е Иньин никогда раньше не встречал никого похожего на Линь Чэньюя. На самом деле, он не был особенно экзотичен внешне, но цвет его глаз был уникальным.

«Не давай людям странных прозвищ». Цзян Сяо не знал, смеяться ему или плакать. «Ничего не произошло. Он ушёл и больше не придёт».

Но Линь Чэньюй, который, по мнению Цзян Сяо, не вернётся, на самом деле встретил его дома, когда возвращался на обед.

В тот день Ся Ваньвань рано пришла с работы. Когда она готовила еду, то услышала, как кто-то стучит в дверь, увидев нескольких руководителей школы. Она подумала, что речь пойдёт о Цзян Сяо, поэтому быстро открыла дверь.

Ся Ваньвань могла быть простым человеком, но не глупым. Не имело значения, насколько прямолинейными и скромными были манеры Линь Чэнъюя. Когда он рассказал свою историю, лицо Ся Ваньвань внезапно похолодело.

«НианНиан не пойдёт» сказала она. «Мой муж никогда не говорил мне, что у него есть друзья или знакомые в Люцзяне. Я никогда на это не соглашусь».

Приятные слова, сказанные школьными руководителями, не имели значения. По мере того как Ся Ваньвань слушала, её бдительность только возрастала. Она даже начала задумываться о теориях заговора. Она подозревала, что её родственники, которые некоторое время молчали, пытались обмануть её и Цзян Сяо, чтобы отправиться в Люцзян и занять дом, оставленный её мужем.

Когда Цзян Сяо вернулся, Ся Ваньвань уже вышла из себя. Всякий раз, когда она злилась, она не могла сдержать слёз. Ся Ваньвань вытерла слёзы с лица рукой и сердито проговорила: «Убирайтесь, все вы убирайтесь из моего дома! Если вы вернётесь, чтобы сказать об этом хоть слово, я не пущу вас за дверь! Мне всё равно, насколько это важно. Оставьте моего сына в покое!»

Линь Чэнъюй в своей прошлой жизни лично не встречался с Ся Ваньвань. Он видел только несколько чёрно-белых фотографий в руках Цзян Сяо. Её лицо было довольно красивым и добрым, она смотрела в объектив большими миндалевидными глазами. Она выглядела нежной, как вода, и имела примерно такой же характер. Цзян Сяо унаследовал большинство её черт, а также её индивидуальность. В своей предыдущей жизни он был идеальным, внимательным любовником.

Но Линь Чэнъюй начал думать, что он, возможно, неправильно понял Цзян Сяо. Оказалось, что характер Цзян Сяо на самом деле был не таким уж нежным. Он думал, что мать Цзян Сяо будет легко убедить. Когда он и Цзян Сяо позже будут вместе, им, естественно, понадобятся её благословение и поддержка, поэтому он пришёл сюда в надежде оставить хорошее впечатление. Кто знал, что её реакция будет ещё более бурной?

«Тётя, вам не нужно сердиться. У нас действительно нет никаких дурных намерений». Линь Чэнъюй не осмелился подлить масла в огонь. Он был готов уйти. «Пожалуйста, успокойтесь...»

«Успокойте мою задницу!»

В разгар этой суматохи прибыл Цзян Сяо.

«Мама? Что случилось?»

Когда Цзян Сяо вошёл, он не заметил Линь Чэнъюя. Сначала он увидел Ся Ваньвань, плачущую и ругающуюся одновременно. Он подумал, что кто-то пристаёт к ней, поэтому схватил метлу рядом с дверью. Когда Цзян Сяо вошёл и увидел школьных руководителей, то не

опустил метлу.

Ся Ваньвань была слаба здоровьем. Нехорошо, что её настроение слишком сильно меняется. Цзян Сяо подошёл, чтобы помочь ей сесть на диван, взял чайник рядом с ней и налил стакан воды. Когда он вернулся, Ся Ваньвань постепенно успокоилась, но её лицо до сих пор было неприятным.

Только после того, как Цзян Сяо успокоил свою мать, он заметил Линь Чэньюя, стоящего в гостиной.

Его одежда была неброско роскошной, свет горел у него за спиной. Цзян Сяо едва мог разглядеть выражение его лица. Когда Линь Чэньюй стоял в маленькой гостиной с группой других людей, комната казалась переполненной. Они выглядели неуместно.

Они всегда были такими, поэтому совершенно не подходили друг другу. Во всех отношениях они были неуместны. Так было в их прошлой жизни, и так было и после их перерождения. Эти двое никогда не поймут друг друга. Всё, что они могли бы сделать - это заставить друг друга страдать.

«Что ты делаешь в моём доме? Теперь ты можешь уйти?» Цзян Сяо посмотрел на него. «Я не знаю, чем я тебя обидел. Почему ты должен беспокоить нашу семью? Могут ли богатые просто так запугивать людей?»

В то время как Цзян Сяо смотрел на Линь Чэньюя в тени, Линь Чэньюй видел его при свете и ясно читал выражение его лица.

Когда он учился в школе раньше, то думал, что Цзян Сяо не испытывал к нему особых добрых чувств после их первой встречи, оставив только защитную реакцию и безразличие, которые обычно испытывают к незнакомцу. Но теперь он, наконец, увидел, как изменилось настроение Цзян Сяо.

Помимо защитной реакции, в нём также чувствовались отвращение и нетерпение, словно он рассматривал Линь Чэньюя как врага. Такая реакция—это было чертовски больно... видеть такую настороженность было больно. Он просто хотел обнять его и уговорить.

«Я не это имел в виду. Тётя неправильно поняла. Цзян Сяо, я здесь не для того, чтобы доставлять тебе неприятности. Я только хочу помочь...»

«Держись подальше от моего дома. Это было бы величайшей помощью» прервал Цзян Сяо. «Моя семья не может позволить себе тебя».

Почему всё так обернулось? Он пришёл на шаг раньше в своей жизни и так старался быть добрым к Цзян Сяо. Было ли это действительно похоже на то, что сказал дядя Юэ? Он был

слишком нетерпелив, поэтому не мог действовать слишком быстро?

Сердце Линь Чэньюя сжалось, как клубок ниток. Он чувствовал себя нехорошо.

«Извини» Он не знал, сколько раз он говорил эти слова Цзян Сяо. Он не стал утруждать себя более скучными объяснениями. «Если тебе это не нравится, я больше не буду этого делать».

Он не мог избежать взгляда Цзян Сяо. Всё, что он мог сделать - это уйти.

Ся Ваньвань успокоилась и спросила: «Кто это был?»

Цзян Сяо: «Психически больной. Просто игнорируй его».

Кто может сказать, почему этот человек стал таким после своего перерождения? Теперь, когда они расстались, было бы лучше остаться порознь до конца своих дней.

<http://bllate.org/book/14428/1275608>